

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ КНЯЗЯ ЮРИЯ ДМИТРОВСКОГО¹

Поместная политика

Не отличалась принципиально от существующих в остальном Русском государстве порядков и структура служилого землевладения Дмитровского удела. В частности, достаточно широкое распространение получило здесь поместное землевладение.

Первые поместные раздачи в центральных уездах Русского государства начались еще в конце XV в. Отсутствие писцовых книг не дает возможности установить хронологию и масштабы этого процесса, однако кажется весьма вероятным, что значительная часть новых поместий концентрировалась в непосредственной близости от столицы. Писцовое размежевание удела Юрия Дмитровского с территорией собственно великого княжества 1504 г., выступающее в качестве своеобразного среза общей картины землевладения для целого ряда центральных уездов, называет имена нескольких десятков помещиков и показывает достаточно высокую степень развитости поместной системы в Подмоскovie. Очевидно, в самом конце XV в. на землях, составивших впоследствии удел Юрия Дмитровского, поместные раздачи вели как Иван III, так и удельные князья Борис Волоцкий и его сын Иван Рузский².

Судьбу некоторых помещиков, чьи имена были названы во время разъезда 1504 г., можно проследить по позднейшим источникам. Многие из них сохранили за собой свои поместья, перейдя в разряд служилых людей Юрия Дмитровского, так что можно говорить о явной преемственности поместной традиции для территории этого удела. В частности, на дмитровскую службу перешел В. Жолоб Пушечников, владевший поместьем в Рузском уезде. Еще в 60-е годы XVI в. это поместье находилось в руках его внука М. Н. Жолобова (поместье отца). За время службы Юрию Дмитровскому Жолобовы Пушечниковы приобрели также земли в Кашинском и Звенигородском уездах³.

На службе у Юрия Дмитровского оказался также дмитровский помещик, дьяк Ивана III, А. Синец. В 1514 г. он от имени князя Юрия производил земельный обмен с Макарьевым-Колязиным монастырем⁴.

«Старыми» звенигородскими помещиками были С., К. и Г. М. Рожновы. Разъезд 1504 г. упоминает московские поместья Рожновых (на границе со Звенигородским уездом). Из духовной грамоты дмитровского боярина П. М. Плещеева выясняется, что эти братья владели в начале века достаточно крупными поместьями непосредственно на территории Звенигородского уезда и, следовательно, сохранили их, перейдя на службу к Юрию Дмитровскому. Позднее эти поместья перешли «по наследству» к сыновьям К. М. (Кузьмины дети) и И. С. Рожновым⁵.

Потомками воиславского посельского Ярца, который в 1504 г. владел поместьем в Звенигородском уезде, были, вероятно, звенигородские помещики Ф. Ярцев и его братья, упоминающиеся в актовом источнике в 1526 г.⁶

¹ Окончание, начало статьи см.: № 2 (40). С. 41–55.

² Зимин А. А. Из истории центрального и местного управления в XVI в. С. 140.

³ ДДГ. С. 398; Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг. (далее – РПК) // Материалы для истории Звенигородского края. М., 1997. Вып. 4. С. 36. В Кашинском уезде вотчиной владел М. В. Жолобов, звенигородским поместьем – Н. В. Жолобов (Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 241; Павлов-Сильванский В. Б. Писцовые книги России XVI в. М., 1991. С. 205). Их брат Григорий, вероятно, служил Дмитрию Углицкому, поскольку в Дворовой тетради был записан по Ржеве между потомками детей боярских этого князя.

⁴ ДДГ. С. 390; Антонов А. В. Вотчинные архивы кашинских и уличских монастырей и церквей XV – начала XVII века. С. 171.

⁵ ДДГ. С. 387, 388; АРГ. № 59. С. 64, № 273. С. 275–276. И. С. Рожнов известен как звенигородский помещик также и в 1537 г. (АФЗХ. Ч. 1. № 13. С. 34).

⁶ АРГ. № 273. С. 275–276; АФЗХ. Ч. 1. № 19. С. 38; № 102. С. 96.

В. Б. Павлов-Сильванский обратил также внимание на преемственность землевладения звенигородских помещиков начала XVI в. Василия Козлова Таболова, «звенигородца» Г. Мишенина, а также не названных в разъезде 1504 г. Сытиных⁷.

Таким образом, в «наследство» Юрию Дмитровскому на основных землях его удела досталась достаточно большая группа служилых людей, владевших своими землями на праве обязательной службы.

Поместное землевладение еще более активно развивалось на окраинах Русского государства, в частности в Брянском уезде, который по завещанию Ивана III также вошел в состав Дмитровского удела. Брянские помещики фигурировали в русско-литовской дипломатической переписке начиная с 1504 г. Упоминались они и в протестах литовских посланников 1520-х годов. Вполне вероятно, многие из них перешли на службу к Юрию Дмитровскому⁸.

В дальнейшем процесс поместных раздач был продолжен. По обрывочным данным актовых источников можно назвать еще целый ряд имен помещиков, находившихся на удельной службе. В Рузском уезде поместьями владели князь В. В. Нечика Звенигородский и Г. Багерев, в Дмитровском — Д. Быков, Ф. Курицын, С. Топорков, И. Угородский, Макаровы Клочковы, в Звенигородском — вдова В. Таболова с детьми, наконец, в Кашинском — Осман (Александр) И. Ковригин⁹. Поместье «государя» называет в своей духовной грамоте З. Ф. Катунин¹⁰.

Этот список можно несколько расширить за счет сравнительного анализа актовых источников 1530—1540-х годов. Известно, например, что в 1537 г. поместье в Звенигородском уезде принадлежало жене дмитровского боярина М. Е. Гусева Домне и его сыну Семену. Не вызывает сомнения то, что это звенигородское поместье досталось им от самого М. Е. Гусева. Подобным образом можно предположить, что еще при жизни Юрия Дмитровского звенигородскими поместьями владели Казарин Петелин Губцов и В. Ватолин¹¹.

Общая немногочисленность выявленных имен связана с тем, что само по себе поместное землевладение практически не оставляло после себя следов в актовых источниках. Значительно больше возможностей в связи с этим дает ретроспективный анализ писцовых книг, в частности писцовых книг Рузского и в значительно меньшей степени Звенигородского уездов.

Как показал С. Н. Кистерев, писцовая книга Рузского уезда 1567—1569 г. опиралась на материалы предшествующего писцового описания И. Д. Боброва, З. А. Посника Сатина и И. М. Колтыри Ракова 1536—1537 г. Помещики 30-х годов фигурируют в категории «порозжие земли», а также в качестве предыдущих владельцев поместий 60-х годов. Всего удастся, таким образом, насчитать порядка 60 имен, которые, с большей или меньшей степенью вероятности, принадлежали писцовой книге 1536—1537 г. Впрочем, далеко не все из них могли владеть поместьями до времени «поимания» Юрия Дмитровского. Например, князь И. Троекуров, видный воевода, впоследствии боярин, служба которого Василию III прослеживается по разрядам 20—30-х годов. Очевидно, во время переписи И. Д. Бобров и его товарищи, как это часто случалось в писцовой практике, раздавали пустующие земли в поместья. Бывшие удельные земли давали

⁷ ДДГ. С. 384. В 1529 г. поместье жены В. Козлова Таболова было передано в Саввин-Сторожевский монастырь. В 1559 г. звенигородские поместья принадлежали И. В. Козлову Таболову, В. и А. Г. Мишениным, Т. П. Сытину (*Павлов-Сильванский В. Б. Писцовые книги России XVI в. С. 206, 225, 226*).

⁸ Кром М. М. *Меж Русью и Литвой*. М., 1995. С. 222—223.

⁹ АФЭХ. Ч. 2. № 47. С. 48; Баранов К. В. Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 29; АРГ. № 177. С. 173; АФЭХ. Ч. 1. № 84. С. 85; АСЗ. Т. 1. № 106. С. 80—81; Антонов А. В. Материалы к каталогу актов Русского государства. Акты Кашинских монастырей // РД. Вып. 3. С. 175.

¹⁰ АРГ. № 179. С. 174. Один из его родственников — Н. Катунин — в 1504 г. владел поместьем в Московском уезде.

¹¹ АФЭХ. Ч. 1. № 18. С. 87; № 14. С. 35. Отец Казарина — Петеля трубник — был приставом князя Юрия митрополичьим владениям в Звенигородском уезде. Василий Ватолин в одном из поземельных споров начала 50-х годов называл себя «старым» помещиком, в то время как оспаривающая его права другая сторона утверждала, что спорные земли он «отнял силой после князя Юрья» (*Павлов-Сильванский В. Б. Писцовые книги России XVI в. С. 205*).

возможность увеличить свои владения представителям московской аристократии. Подобным образом до 1544 г. поместье в Кашинском уезде принадлежало другому великокняжескому воеводе — князю А. Б. Горбатову¹². Вряд ли на удельной службе находился также москвитин Юшка Филипов¹³.

С другой стороны, целый ряд лиц, встречающихся в реликтовом слое писцовой книги 1567—1569 г., можно отождествить со служилыми людьми Юрия Дмитровского. В частности, на службе у князя Юрия определенно состояли конюшенный дьяк И. Г. Поповка, князь Ф. П. Звенигородский, К. В. Бекетов и М. В. Курчев¹⁴. Князь А. Ростовский, владевший в 1537 г. рузским поместьем, скорее всего, также служил Юрию Дмитровскому. В Дворовой тетради по Кашину были записаны его сыновья Роман и Михаил. В состав дмитровского двора входил также В. И. Пересветов, посол князя Юрия к митрополиту Даниилу. Вероятно, подобным образом обстоит дело и с его братом Яковом, одним из помещиков 1537 г. Близок к дмитровскому двору был также Я. В. Унковский¹⁵.

Аналогичным образом можно проанализировать и звенигородскую писцовую книгу 1558—1559 г. Как и в случае с рузской писцовой книгой 1567—1569 г., эта писцовая книга опиралась на опись Звенигородского уезда, сделанную в 1537 г. И. Д. Бобровым «с товарищи». Впрочем, в этом случае писцы конца 50-х годов сохранили значительно меньше имен прежних владельцев поместий. Следует отметить и то обстоятельство, что значительная часть помещиков, встречающихся в писцовой книге 1556—1559 г., появилась здесь сравнительно недавно, получив свои поместья из рук царя Симеона Касаевича, что, безусловно, усложняет процесс реконструкции.

Еще до письма И. Д. Боброва «запустело» поместье С. Смердюгина Кучецкого, которого, таким образом, можно причислить к служилым людям Юрия Дмитровского. Поместьем мужа владела Соломанида Козловская, муж которой Микула Михайлов упоминался среди послухов в меновой грамоте князя Юрия с Иосифо-Волоколамским монастырем¹⁶.

Гипотетически связь с писцовой книгой 1537 г. можно установить еще для нескольких звенигородских помещиков. Очевидно, от Юрия Дмитровского получили свои поместья также Б. и С. И. Голенищевы. С дмитровским двором был связан В. Рычко Ворышаев Плещеев, поместье которого в 1549 г. было передано по духовной грамоте Юрия Дмитровского в Саввин-Сторожевский монастырь¹⁷.

Старым звенигородским поместьем владел князь Д. И. Засекин, однако невозможно точно установить время его приобретения.

В середине XVI в. Иван IV, в соответствии с завещанием Юрия Дмитровского, передал ряд сел, принадлежавших помещикам, в распоряжение различных монастырей. Соблазнительно было бы считать, что названные в соответствующих грамотах имена помещиков, всего около 10 имен, упоминались также и в духовной дмитровского князя, тем более что для некоторых из них (в частности для того же В. Рычко Плещеева) связь с дмитровским двором прослеживается вполне определенно. Однако, скорее всего, большинство этих помещиков принадлежали уже к эпохе 50-х годов. В частности, никак не был связан с дмитровской службой В. А. Белкин, записанный в Дворовой тетради по Угличу¹⁸.

¹² Антонов А. В. Материалы к каталогу актов Русского государства. Акты Кашинских монастырей // РД. Вып. 3. С. 185.

¹³ РПК. С. 216.

¹⁴ РПК. С. 83, 112, 209, 216; АРГ. № 231. С. 235; ТКДТ. С. 60; Род. кн. Ч. 2. С. 312.

¹⁵ ТКДТ. С. 134; АИ. Т. 1. № 129. С. 191. Я. В. Унковский был послухом в духовной дмитровского боярина князя А. А. Голенина и в меновой грамоте сокольничего Г. Минчака Давыдова (АФЭХ. Ч. 2. № 41. С. 42; № 77. С. 74).

¹⁶ ЗПК; Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995. С. 157; АФЭХ. Ч. 2. № 37. С. 39.

¹⁷ Павлов-Сильванский В. Б. Писцовые книги России XVI в. С. 222—223. Скорее всего, поместье Б. и С. И. Голенищевых когда-то принадлежало их отцу (Род. кн. Ч. 2. С. 288; Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. С. 157).

¹⁸ Маштафаров А. В. Кашинский Сретенский монастырь в документах XV — начала XVII века // РД. Вып. 3. № 7. С. 54; ТКДТ. С. 205.

Еще трое помещиков названы в меновой (восстановленной после московского пожара 1547 г.) грамоте великого князя и князя М. И. Кубенского на вотчину в Дмитровском уезде. Однако, как и в предыдущем примере, их связь с дмитровской службой не может быть доказана¹⁹.

Всего, таким образом, устанавливаются имена нескольких десятков лиц, получивших поместья из рук Юрия Дмитровского. По своему положению выявленные помещики принадлежали к различным слоям служилых людей. Подавляющее большинство из них принадлежали к числу рядовых детей боярских. Впрочем, достаточно часто поместьями владели также представители дмитровской знати, подобные боярину М. Е. Гусеву, князьям В. В. Нечике Звенигородскому и А. Д. Приимкову Ростовскому.

Можно предположить, что, несмотря на высокую концентрацию вотчинного землевладения в доставшихся князю Юрию подмосковных уездах, здесь, как и на остальных территориях Русского государства, поместья постепенно получали все более и более широкое распространение.

Кашинские дети боярские на службе у Юрия Дмитровского

В отличие от московского правительства, получившего после принудительных выселений землевладельцев с целого ряда новозавоеванных территорий как огромные площади свободных земель, так и значительное число обезземеленных вследствие этой политики служилых людей — активную массу для новых поместных раздач, правительству Юрия Дмитровского приходилось ограничивать развитие поместного землевладения в рамках существующих норм и традиций, без радикальной ломки сложившейся структуры землевладения. Рост поместного землевладения в Дмитровском уделе сдерживался отсутствием значительного запаса свободных земель.

Однако сравнительно небольшая территория Дмитровского удела способствовала более интенсивному проникновению служилых людей из одного уезда в другой, туда, где существовали свободные земли для поместных раздач. Подобное «перемешивание» имело особенно большое значение для постепенной инкорпорации тверских бояр, владевших вотчинами в Кашинском уезде и оказавшихся на службе у Юрия Дмитровского.

Более того, учитывая ограниченность и компактность территорий удельных княжеств, можно предположить в ряде случаев значительно более высокую степень эффективности проводимых в них акций. Особую актуальность подобные шаги по перестройке местных порядков на «московский лад» имели на землях, сравнительно недавно вошедших в состав Русского государства, в частности на территории Тверского княжества. В отличие от «двора тверского», объединявшего в своем составе бояр и детей боярских из Тверского княжества, просуществовавшего в структуре Государева двора вплоть до 40-х годов XVI в. и отразившегося в рубрике «Тверь» Дворовой тетради, тождество кашинских детей боярских с другими служилыми людьми из бывшего Дмитровского княжества было практически полным²⁰.

Чаще всего разрушение единства кашинской корпорации шло за счет пожалования земель в Кашинском уезде выходцам из других частей Дмитровского удела, происходившим из старинных «московских» (в широком смысле) фамилий.

Продвижение в Кашинский уезд началось еще при Иване III. Уже во время объезда будущих земель Дмитровского удела с землями великого князя в начале XVI в. на кашинском рубеже упоминались земли князей В. и П. Ф. Охлябининых. Скорее всего, кашинские вотчины были пожалованы еще их отцу — князю Ф. В. Охлябине Ухорскому, ярославские земли которого (слободка Охлябининская), в свою очередь, перешли во владения великого князя²¹.

Очевидно, еще в конце XV в. вотчины здесь были пожалованы также сподвижникам Ивана III Я. З. Кошкину, М. К. Беззубцеву²².

¹⁹ РИБ. Т. 32. № 168. С. 291. Это Некрас Бронников, истопник И. Столбов и Б. Кожин.

²⁰ Флоря Б. Н. Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 44–57.

²¹ ДДГ. С. 355.

²² АРГ. № 60. С. 65; № 186. С. 184. Я. З. Кошкин известен как судья в Кашинском уезде (Антонов А. В. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церквей XV — начала XVII века. С. 167).

Неизвестно, каким способом была приобретена вотчина в Кашинском уезде Луней Д. Мечняниновым, однако уже в 1503 г. он получил на нее жалованную подтверждающую грамоту Юрия Дмитровского. До того он известен как вотчинник Дмитровского уезда²³.

Остальные случаи проникновения московских служилых людей на территорию Кашинского уезда относятся уже ко времени существования Дмитровского удела.

Вероятно, в первые годы правления Юрия Дмитровского на территории Кашинского уезда как части Тверской земли действовали определенные запреты на покупку вотчин представителями других уездов Русского государства. Известно, в частности, что в 1518 г. потребовалось специальное разрешение этого князя на приобретение вотчин в Кашинском уезде дмитровским дворецким В. К. Вельяминовым. В дальнейшем, однако, подобное ограничение было снято. Тот же В. К. Вельяминов в 1526/1527 г. приобрел вотчину у Т. И. Мижуева без каких-либо дополнительных формальностей. Обилие «москвичей», владевших вотчинами на территории Кашинского уезда, подтверждает это предположение²⁴.

Наиболее полные сведения о ходе этого процесса дает кашинская рубрика Дворовой тетради. Сразу следует оговориться, что, скорее всего, этот источник не содержит исчерпывающих сведений о составе кашинских дворовых детей боярских времен существования удела Юрия Дмитровского. Вполне вероятно, что некоторые из служивших здесь фамилий потеряли свой прежний статус после исчезновения этого удела. Так, например, старинные кашинские вотчинники Чаплины неизвестны кашинской рубрике Дворовой тетради, хотя позднее в десятнях они фигурировали в качестве дворовых детей боярских. Учитывая наследственный характер этого статуса, можно предположить, что в свое время они занимали более высокое положение при дворе Юрия Дмитровского²⁵.

Нет в Дворовой тетради также представителей кашинского рода Кожиных, хотя известно, что в 1525/1526 г. И. В. Кожин держал в кормлении волость Инобж Дмитровского уезда²⁶. И, наоборот, анализ этой рубрики дает основания предположить, что к 50-м годам XVI в. некоторые городовые дети боярские повысили свой статус.

Тем не менее вряд ли подобные случаи имели слишком большое распространение, поэтому они не могут повлиять на общую оценку.

Сравнительный анализ кашинской рубрики Дворовой тетради показывает, что из 50 присутствующих здесь фамилий, по крайней мере, 24 (48%) принадлежали выходцам из других земель Русского государства²⁷. Это князья П. и Р. В. Охлябинины, Р. и М. А. Приимковы-Ростовские, И., Ф. и Г. П. Звенигородские, их родственники князья И. и А. А. Рюмины Звенигородские, С. А. и Д., Л., А., Ю, А. И. Аксаковы, В. С. и новик А. А. Плещеевы, Л. Г. Картмазов, И., Ю. и Р. М. Судимантовы, И. Меньшой Квашин Свербеев, В. И. Б. и Незван Ф., а также И. Н. Рожновы, Шарап, В. и С. Ф. Михины Беклемишевы, С. И. Морин, Е. Д. и И. Т. Кашкаровы, С. и В. М., а также новики В. и П. Н.; Г. А. Бешенцовы, И. К. Ртищев, Д. А. Синего Горбатого, Л., А. и Шарап Г.; И., Гневаш, К. и С. А., а также В. И. Ивины, Ф., М. и Шарап В. Пушечниковы, А. И. Бартенев, В. Г. Жеребцов, И. Д.; А. и М. А.; Ф. Ю. Тютчевы, Д. Т. Пыхичев, Б. Будаев Скобельцын, А., Г., Шестак, и Меншик Д. Бобровы, Н. А. Татищев²⁸. Одновременно следует заметить, что тверское (кашинское) происхождение

²³ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. С. 220, 221.

²⁴ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. С. 68–89; Антонов А. В. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церквей XV – начала XVII века. С. 173, 176.

²⁵ ТҚДТ. С. 220.

²⁶ АСЗ. Т. 1. № 112. С. 84.

²⁷ При данном подсчете в качестве одной фамилии рассматриваются Машуткины и Борисовы, а также князья Рюмины и Звенигородские. Написание некоторых фамилий исправлено по Музейному списку Дворовой тетради (Сила И. Морин, А. и С. Г. Медведевы-Ярославовы).

²⁸ Из нетитулованных фамилий к родам старомосковского боярства принадлежали Аксаковы (Протасевичи), Плещеевы, Жеребцовы и Сила И. Морин (род Федора Бяконта), Рожновы (Ратшичи), Беклемишевы, Кашкаровы (Сорокоумовы-Глебовы), Синего

можно с большей или меньшей степенью убедительности доказать только для 15 фамилий (30 %), из которых в состав боярства Тверского княжества входили Борисовы Бороздины и их ветвь Машуткины, Карповы, Шетневы и Левашовы²⁹. Достаточно определенно можно говорить также о принадлежности к рядам старых кашинских вотчинников для И. И. Свиблова, А. Ф. Спешнева, Т. Суровцева Чабукова, В. П. и Ю. А. Ромейковых, Д. А., Ляпуна и Д. Курбатовых Шишкиных, И. и Р. В. Колзаковых, И. и Ф. В.; К. А. и В. А. Баклановских, Ф. А. Багримова, а также для Г. Медведева Ярославова и его детей А. и С. Г. Медведевых (Матвеевых)³⁰. Сыном тверского вотчинника И. Ф. Глебова, скорее всего, был кашинский дворовый сын боярский Н. И. Глебов. Наконец, судя по фамилии, потомками дворовых слуг тверских князей являлись братья И., И. и М. П. Постельниковы³¹.

Происхождение остальных 11 фамилий (22%) неизвестно, хотя в ряде случаев можно также предполагать их «московский» характер³².

Налицо явное численное превосходство пришлых фамилий среди кашинских дворовых детей боярских. Несмотря на то что ряд этих фамилий был представлен новиками, приписанными к основному тексту рубрики, это обстоятельство не меняет общей картины. В ряде случаев распределение служилых людей, особенно новиков, бывшего Дмитровского удела, владевших землями в разных уездах, по отдельным корпорациям носило достаточно условный характер. Так, например, по Дмитрову в Тысячной книге и в Дворовой тетради был записан Г. И. Дмитриев. При этом в тверской писцовой книге 1550-х годов есть упоминание о том, что он служил «с кашинцы». То же самое можно заметить и о Л. Г. Картмазове, который в Тысячной книге числился по Кашину, а в Дворовой тетради — уже по Кашину и Дмитрову одновременно³³.

Можно назвать еще несколько случаев приобретения кашинских земель выходцами из других уездов на службе у Юрия Дмитровского. Помимо уже перечисленных лиц вотчины в Кашинском уезде приобрели боярин В. К. Вельяминов и его родственник С. Д. Вельяминов, дьяк А. Яковль, подьячий В. Л. Палицын, а также А. И. Шишка Москотиньев³⁴.

Горбатого (род Андрея Кобылы). Потомками галицких князей были Ивины. Л. Г. Картмазов происходил из семьи старинных московских вотчинников, связанных с Государевым двором (АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 566. С. 444). Судимантовы — потомки выехавшего в конце XV в. «пана» К. Судиманта. Из числа дмитровских вотчинников происходят Ртищевы, Тютчевы, Скобельцыны, Бобровы и Татищевы. С Рузским уездом были связаны Баргеновы и Жолобовы Пушечниковы. Родственники И. Квашина Свербеева в Дворовой тетради были записаны по Угличу (ТКДТ. С. 205). Вотчины Пыхичевых располагались в Бежецком Верху. Здесь же служили Бешенцовы (ТКДТ. С. 204; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 153).

²⁹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 261–266.

³⁰ И. И. Свиблов в конце 1540-х годов принадлежали вотчины на территории собственно Тверского уезда (АСЭИ. Т. 3. № 144). В 1518 г. была выдана жалованная грамота с разрешением приобрести кашинские вотчины дворецкому В. К. Вельяминову у Суровца Ф. Чабукова (Антонов А. В. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церквей XV — начала XVII века. С. 173; АСЭ. Т. 1. № 252. С. 224–228). Д. И. Шишкин — послух начала XVI в. в Кашинском уезде (Там же. С. 226). Его сын Афанасий упоминается в Сказании о чудесах от мощей Макария Калязинского (Гадалова Г. С. Сказание о чудесах от мощей преподобного Макария Калязинского как исторический источник // Первый Петербургско-тверской семинар «Тверской край в науке и культуре»: Сб. научных статей. СПб., 2008. С. 290). Во второй половине XV в. послухами в Кашинском уезде были Влас и Тверко Колзаковы (АСЭИ. Т. 3. № 151. С. 170; АСЭИ. Т. 3. № 171. С. 180). И. Д. Багримов в конце XV в. был дьяком у И. Б. Бороздина (АСЭИ. Т. 3. № 166. С. 178). Я. Медведь Ярославов в 1504 г. судил суд в Кашинском уезде (АСЭИ. Т. 3. № 173. С. 189).

³¹ Шумаков С. А. Тверские акты. Тверь, 1896. Вып. 1. С. 66–68. Среди мелких тверских вотчинников очень распространенными были фамилии, происходившие от различных ведомств дворцового хозяйства: Чашниковы, Кречетниковы, Истопниковы, Калитниковы, Скатерниковы.

³² Например, вероятный родственник И. и М. И. Дурасовых Русин С. Дурасов в середине XVI в. был помещиком Бежецкой пятины. По Дмитрову служили родственники И. и Вериги М. Грибцовых, однако в этом случае могло иметь место и обратное влияние — приобретение дмитровских земель кашинскими вотчинниками. То же самое можно заметить относительно Ковригиных и Облязовых, представители которых в Дворовой тетради были записаны по Кашину и Рузе.

³³ ПКМГ; ТКДТ. С. 134.

³⁴ Акты московских монастырей и соборов 1509–1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984. № 15. С. 99; АРГ. № 4. С. 10; АСЭ. Т. 3; Антонов А. В. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церквей XV — начала XVII века. С. 173, 174; *Его же*. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века. Перечень актов // РД. М., 2001. Вып. 8. № 2867. С. 338.

Согласно припискам к дмитровской рубрике Дворовой тетради, по Кашину служил В. П. Брехов. Наконец, известно, что в боярских списках 1547 г. по Кашину был записан И. П. Заболоцкий, прежде один из наиболее видных вассалов Юрия Дмитровского. Очевидно, ему также принадлежали какие-то земли в Кашинском уезде³⁵.

Согласно Сказанию о чудесах от мощей Макария Калязинского, связь с Кашинской землей имел и З. Б. Обобуров, связанный по своему землевладению с Рузским уездом³⁶.

Характерно, что землями в Кашинском уезде владели выходцы из Бежецкого уезда: Д. Т. Пыхичев, Бешенцевы и Д. А. Синего Горбатого. Очевидно, Кашинский уезд был зоной активных поместных раздач для правительства Юрия Дмитровского.

Проникновение «москвичей» в Кашинский уезд шло на разных уровнях, начиная от представителей боярских фамилий и заканчивая достаточно скромными детьми боярскими, не выделявшимися по своему происхождению и служебным заслугам. Представители московских родов существенно разбавили ряды старой тверской знати в верхушке кашинской корпорации, хотя и не оттеснили ее целиком.

Следует отметить, что многие фамилии тверских бояр и детей боярских в Дворовой тетради оказались разбросанными по разным уездам. Начало этому процессу положили еще принудительные переселения конца XV в. некоторых наиболее видных тверских бояр за границы собственно Тверской земли. Это переселение коснулось Коробовых, Карповых, Бокеевых, Зюзиных, Шетневых и частично Левашовых. Очевидно, что эта акция носила пофамильный характер и затронула верхушку тверского боярства. Вотчины в пределах бывшей Тверской земли сохранили только те представители этих родов (кроме Левашовых), кто связал свою судьбу с удельной службой. По Кашину в середине XVI в., в частности, служили Ф. и М. А. Карповы и П. И. Шетнев³⁷.

Еще большее значение имело разделение Тверской земли по завещанию Ивана III. В результате, многие из тверских родов в служебном отношении оторвались друг от друга и, соответственно, уже не могли определять лицо той или иной корпорации. Стоит отметить, что большинство старых боярских родов в кашинской рубрике было представлено одним-двумя лицами. Характерна в этом отношении судьба Ромейковых. По Кашину служило два представителя этого рода, В. П. и Ю. А. Ромейковы, по Ржеве — Шемет Ю. Ромейков (с пометой «служит ис Старицы») и, наконец, И. М. Роменков — по Твери.

Анализ кашинской рубрики показывает, что место «бояр» в соответствии с традиционным тройственным делением Государева двора: бояре, князья, дети боярские занимали Борисовы и Карповы. Однако подобная расстановка отражала, скорее, реалии уже середины XVI в. После исчезновения Дмитровского удела родственные связи Борисовых и Карповых помогли им занять достаточно прочные места в верхушке Государева двора. Представители этих родов к этому времени уже вошли в состав Боярской Думы (окольничие В. П. Борисов Бороздин, Ф. И. Карпов и его сыновья Иван и Долмат) и выступали в качестве «локомотивов» для всех своих однородцев³⁸.

В 1538 г. А. Ф. Карпов, Н. И. Борисов и В. М. Машуткин упоминаются в разрядах в качестве голов при воеводах на Коломне. В 1539 г. Н. И. Борисов и В. М. Машуткин служили уже в ранге воевод³⁹. Карьеру А. Ф. Карпова продолжили его сыновья Федор и Иван. Ф. А. Карпов

³⁵ ТКДТ. С. 132; Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 53.

³⁶ Гадалова Г. С. Сказание о чудесах от мощей преподобного Макария Калязинского как исторический источник. С. 290—291.

³⁷ ТКДТ. С. 134—135. П. И. Шетнев владел в это время также вотчинами на территории Тверского уезда.

³⁸ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 266.

³⁹ Разр. кн. Т. 1. Ч. 2. С. 273, 274, 276, 290, 303.

в 1548 г. был вторым воеводой на Галиче, а И. А. Карпов в 1549 г. упоминался в качестве одного из воевод в ертоулах⁴⁰.

Неслучайно В. М. Машуткин в 1550 г. стал тысячником 1-й статьи, а Ф. А. Карпов (тысячник 2-й статьи) в 1547 г. представлял Кашин на свадьбе брата Ивана IV князя Юрия Васильевича⁴¹.

Соответственно, совершенно невозможно судить, насколько иерархия кашинской рубрики Дворовой тетради соотносилась с положением представленных в ней фамилий при дмитровском дворе. Характерно, что значительно ниже Борисовых и Карповых, среди рядовых детей боярских, в тексте этой рубрики был записан П. И. Шетнев, который будучи из рода тверских тысяцких, не уступал им по своему происхождению.

Трудно судить, какое место реально занимали представители старых тверских родов при дворе Юрия Дмитровского. Можно заметить, что в родословных росписях никто из них не упоминается в качестве дмитровского боярина или окольничего. Нет информации об их службах и в других источниках.

Никто из кашинских детей боярских не сделал себе и карьеры дьяка при дмитровском дворе, хотя при Государевом дворе для них такая возможность существовала. Позднее, подобным образом сложилась судьба В. Б. Колзакова.

Можно предположить, что и в служебном отношении представители кашинских фамилий заняли в целом второстепенное положение.

Одновременно с проникновением «москвичей» на территорию Кашинского уезда шел и обратный процесс — представители кашинских служилых людей приобретали земли на территории соседних уездов Дмитровского удела. Известно, в частности, что в Дмитровском уезде вотчины принадлежали Н. И. Борисову и Д. И. Спешневу. Н. И. Борисов владел также вотчиной в Звенигородском уезде. В 1530 г. жалованная грамота на владения в Дмитровском уезде была выдана Н. Винкову Клабурникову⁴². В реликтовом слое рузской писцовой книги 1567–1569 г. среди помещиков упоминался К. В. Бекетов, потомки которого прочно закрепились в Рузском уезде. Здесь же вотчина принадлежала И. М. Машуткину⁴³. Наконец, по Дмитрову в Дворовой тетради были записаны И. и П. И. Селеховские, потомки служилых князей на тверской службе⁴⁴. Следует отметить, однако, явную немногочисленность подобных примеров, что подтверждает тезис о «невнимании» правительства Юрия Дмитровского к судьбе кашинских служилых людей.

Общим итогом этих процессов стало исчезновение каких-либо следов обособленности кашинской корпорации. По своей структуре, генеалогическому составу и традициям службы кашинская служилая корпорация не отличалась принципиально от большинства других корпораций Русского государства. Исчезновение Дмитровского удела и участие кашинских детей боярских в массовых испомещениях 50-х годов еще более укрепили эту тенденцию.

Судьба служилых людей Юрия Дмитровского после исчезновения Дмитровского удела

При изучении дальнейших судеб служилых людей Юрия Дмитровского на государевой службе необходимо учитывать не только их прежнее положение при дмитровском дворе, но и, как это было показано на примере Борисовых и Карповых, наличие влиятельных родственников в окружении великого князя. Не стоит забывать, что ликвидация Дмитровского удела пришлось на время боярского правления, когда родственные связи приобрели наиболее серьезное значение.

Согласно летописным сообщениям, вместе с Юрием Дмитровским заточению подверглись и несколько его бояр, которые позднее были выпущены из «нятства» после смерти Елены Глинской (апрель 1538 г.).

⁴⁰ Там же. С. 336, 366.

⁴¹ ТКДТ. С. 56; Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. С. 53.

⁴² АФЭХ. Ч. 1. № 83. С. 84; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 84; АСЭ. Т. 1. № 106. С. 80–81.

⁴³ РПК. С. 79, 131. К. В. Бекетов в 1510 г. был послухом в меновной Юрия Дмитровского.

⁴⁴ ТКДТ. С. 130.

К сожалению, невозможно выяснить имена пострадавших в это время лиц. Можно предположить, что в заточении оказался бывший дворецкий Юрия Дмитровского В. К. Вельяминов, который фигурирует в разрядах только в 1543 г. в качестве костромского наместника (без характерного для его положения прибавления «вич» к отчеству)⁴⁵. Неизвестны на государственной службе также С. Д. Вельяминов, В. Ф. Помяс Заболоцкий. Вероятно, опала затронула также виднейших дьяков Юрия Дмитровского: А. В. Огарева, И. К. Третьяка Тишкова, И. Л. Шестакова, З. Г. Голову Обобурова и И. Т. Борова Шелепина. Из всех этих лиц только И. Т. Боров Шелепин выполнял в дальнейшем поручения великокняжеского правительства. В 1545 г. он известен в качестве судьи⁴⁶. Скорее всего, эта опала, если она действительно имела место, носила кратковременный характер. Сыновья всех перечисленных дьяков, кроме А. В. Огарева, который, видимо, умер бездетным, присутствуют в Дворовой тетради. Надо отметить, что, по крайней мере, в случае с И. К. Третьяком Тишковым, который вел переговоры с князьями Шуйскими об их переходе на удельную службу, у московского правительства имелись основания для значительно более серьезных санкций.

Очевидно, что среди пострадавших не было и князя В. Ф. Охлябинина, который уже в 1535 г. был одним из воевод в литовском походе. Наибольшее значение в этом случае имела репутация его брата Петра, который регулярно встречался в разрядах первой трети XVI в. В дальнейшем князь В. Ф. Охлябинин также неоднократно занимал «стратилатские» должности⁴⁷.

В 1539/1540 г. должность новгородского конюшего исполнял В. И. Шадрин⁴⁸.

Еще до смерти Елены Глинской встретились в разрядах также А. Ф. Карпов, Н. И. Борисов и В. М. Машуткин, которые, очевидно, также не пострадали после «поимания» Юрия Дмитровского, а затем с помощью влиятельной родни не затерялись и на государственной службе.

Интересно отметить, что бывшие дмитровские вассалы князь В. Ф. Охлябинин и В. М. Машуткин не стеснялись вступать в местнические споры с представителями других родов, служивших в первой трети XVI в. Василию III. В частности, князь В. Ф. Охлябинин спорил о местах с Ф. С. Воронцовым, а В. М. Машуткин — с князем И. В. Горенским⁴⁹.

Можно отметить, таким образом, что упомянутое в летописном известии заточение дмитровских бояр затронуло достаточно ограниченное количество лиц.

Несколько позднее, в 40-е годы, в разрядных книгах встречаются также имена А. Г. Белого, И. П. Заболоцкого, В. Рычко Воряпаева Плещеева, И. В. Жулебина, А. В. Елизарова (с отчеством на «вич»), А. И. Меньшого Товаркова⁵⁰. Очевидно, на положение этих фамилий служба в Дмитровском уделе не оказала решающего негативного влияния.

Выходцы из Дмитровского удела участвовали и в писцовых описаниях. Так, например, известно, что уже в 1536/1537 г. В. Рычко Воряпаев Плещеев участвовал в описании Бежецкого Верха. В 1540 г. А. Давыдов (Ульянин) описывал Торопецкий уезд, а в 1541 г. среди писцов Новоторжского уезда упоминается И. Ф. Чиркин Сурмин. Наконец, в конце 1540-х годов Тверской уезд описывал И. П. Заболоцкий⁵¹.

Немногочисленные известия о службе, конечно, не дают полного представления о судьбе подавляющего большинства служилых людей из Дмитровского княжества. Больше информации дает анализ структуры землевладения на территории уездов, входивших в его состав. Следует

⁴⁵ Разр. кн. Т. 1. Кн. 2. С. 311.

⁴⁶ Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. 1. № 58, 59.

⁴⁷ РК. Т. 1. Ч. 2. С. 252.

⁴⁸ Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1. С. 358.

⁴⁹ Там же. С. 293, 332.

⁵⁰ Там же. С. 277, 281, 282, 305; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 104, 109.

⁵¹ Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. С. 157; Торопецкая книга 1540 г. // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 278; АСЭИ. Т. 1. № 399. С. 632; Антонов А. В. Клинические акты XV—XVI века // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 77.

отметить, что в источниках неизвестно ни одного случая земельных конфискаций. Более того, ряд жалованных грамот Юрия Дмитровского частным лицам были подтверждены правительством Ивана IV. Известно, например, что в 1546 г. взамен утерянной была выдана жалованная грамота на земли в Звенигородском уезде В. и М. Г. Слизневым⁵². Анализ рузской и звенигородской писцовых книг показывает, что многие служилые люди Юрия Дмитровского сохранили за собой свои поместья, перейдя на великокняжескую службу.

На правах детей боярских «государя всея Руси» многие из них получили возможность улучшить свое благосостояние за счет поместных раздач в соседних уездах. Следует отметить, однако, что «большое поместное верстание» конца 1530-х годов затронуло сравнительно незначительное число служилых людей «княж Юрьевских Ивановича». В связи с этим характерен пример Тверского уезда, находящегося на границе бывших владений Юрия Дмитровского (Кашинский уезд), который испытал в это время волну массовых поместных раздач. Несмотря на сделанные В. Б. Кобриным выводы, среди «новых» тверских помещиков практически не удается найти ни одного лица, чья принадлежность к числу служилых людей Дмитровского княжества была бы безусловно доказана. И., Т. С., С. Г. и Т. И. Курчевы, получившие в эту раздачу бывшие дворцовые земли, в дмитровской рубрике Дворовой тетради фигурировали в части, которая относилась к собственно великокняжеским детям боярским. Единственное исключение — В. Н. Козловский, отец которого в 1507 г. был одним из послухов в меновой Юрия Дмитровского и Иосифо-Волоколамского монастыря. Однако с того времени сам Н. М. Козловский или его сын Василий вполне могли перебраться на службу к Василию III⁵³.

Ретроспективный анализ писцовой книги Можайского уезда 1550-х годов также дает всего несколько примеров испомещения дмитровских служилых людей. Среди всех можайских помещиков этого времени со службой Юрию Дмитровскому были связаны, пожалуй, только князь А. А. Рюмин Звенигородский, Д. И. Шестаков и, возможно, Ф. Д. Синцов. Ширяй М. Нестеров и его сыновья, как уже было отмечено, скорее всего, перешли на государеву службу еще при жизни Василия III. Очевидно, и в этом случае нельзя говорить о сколько-нибудь значимых перемещениях.

Более многочисленной была группа выходцев из Дмитровского удела в Вяземском уезде. Согласно данным писцовой книги, датируемой концом 50-х годов, вяземскими поместьями в это время владели князь И. А. Рюмин-Звенигородский, Ф. Р. Судимантов, Ф. С. и А. А. Ульянин Давыдовы, А. Третьяков и Немытой А. Тишковы, И. Н. Рожнов, В. О. Кувшинов, принадлежавшие к категории служилых людей «князь Юрьевских Ивановича». Скорее всего, в составе дмитровского двора служил прежде также князь И. И. Лыков-Оболенский. Ближайшие родственники других служилых людей из уездов бывшего Дмитровского удела, владевших здесь поместьями в 1550-е годы: М. Ширяев и Г. И. Пушкины, Н. И. Тургенев, Б. Ф. и И. П. Небезины, Я. В. Щепа Вольнский, очевидно, были связаны с великокняжеской службой⁵⁴.

Интересно отметить, что в рузской рубрике Дворовой тетради лица, получившие вяземские поместья, последовательно располагались друг за другом. Вслед за князем И. А. Рюминым-Звенигородским были записаны князь И. И. Лыков Оболенский, Б. Ф. и И. П. Небезины, а затем и Я. В. Щепа Вольнский (отец В. Я. Щепина Вольнского). Вероятнее всего, именно на этот текст и опирались верстальщики, выделявшие новым служилым людям вяземские поместья. Более ранний текст боярской книги 1537 г., как уже было отмечено, был разбит на две группы, в зависимости от служебной принадлежности: дети боярские великого князя и служилые люди «князь Юрьевские Ивановича». Соответственно, можно утверждать, что, по крайней мере, все

⁵² РИБ. Т. 32. № 156. С. 270.

⁵³ ТКДТ. С. 128; АФЭХ. Ч. 2. № 37. С. 39.

⁵⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 585, 588, 623, 657, 660, 719; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 539. Л. 71, 428, 615 об., 941, 981 об., 998. Поместье Ф. Р. Судимантова прежде входило в состав бортных земель, что также свидетельствует о его сравнительно недавнем появлении в Вяземском уезде.

перечисленные рузские служилые люди появились в Вяземском уезде уже в 50-е г. XVI в. Подобные совпадения обнаруживаются также и в дмитровской рубрике, хотя и в менее очевидной форме⁵⁵.

В 50-е годы многие из перечисленных детей боярских поменяли свою корпоративную принадлежность. В частности, в состав вяземской корпорации влились Ф. С. и А. А. Ульянин Давыдовы, М. Ширяев, Г. И., С. и С. М. Пушкины, Н. И. Тургенев, М. и И. Ф. Судимантовы, В. Я. Щепин Волынский⁵⁶.

Согласно Дворовой тетради, в это же время на службу в составе бельской корпорации перешел В. С. Короваев⁵⁷.

В 50-е годы поместьем в Ржевском уезде владел О. Г. Кувшинов, который, скорее всего, перебрался сюда вместе с группой «вязьмичей»⁵⁸.

Таким образом, судя по сохранившимся или реконструируемым писцовым книгам, относящимся к ближайшим от территории Дмитровского удела уездам, перемещения сюда бывших вассалов Юрия Дмитровского носили единичный характер. Аналогичным образом обстояло дело и применительно к другим, более отдаленным районам Русского государства. Известно, например, что в 1538/1539 г. поместье в Суздальском уезде было пожаловано Т. Н. Хметевскому, сыновья которого в Тысячной книге фигурировали как «князь Юрьевские Ивановича»⁵⁹.

С другой стороны, уже приводились случаи приобретения поместий на территории Рузского и Кашинского уездов, соответственно, представителями московской знати — князьями И. М. Троекуровым и А. Б. Горбатым. В 1547 г. жалованная грамота на поместье в Дмитровском уезде была выдана И. и А. В. Рахманиновым, недавним помещикам Рязанского уезда. Вотчины на территории Рузского и Звенигородского уездов, вероятно, из числа бывших дворцовых земель приобрел дмитровский дворецкий 30-х годов князь Д. Ф. Палецкий⁶⁰. Такие примеры, безусловно, свидетельствуют об ослаблении роли местных служилых корпораций.

Подобная пассивная роль в масштабных поместных верстаниях конца 30-х годов объяснялась, по-видимому, как определенным недоверием к выходцам из Дмитровского удела со стороны московского правительства, так и в не меньшей степени отсутствием при Государевом дворе кругов, способных лоббировать их интересы. Анализ служб виднейших представителей этого удельного двора показывает, что в подавляющем большинстве только во второй половине 40-х годов они заняли более или менее прочное положение, хотя чаще всего и в этом случае их успех был предопределен вмешательством именитых родственников. Соответственно, известные случаи поместных пожалований были скорее результатами индивидуальных челобитных, чем следствием осознанной и целенаправленной политики московского правительства.

В 50-е годы XVI столетия на территории Звенигородского уезда был создан удел царя Симеона Касаевича, который в определенной степени продолжил политические традиции Дмитровского удела. Неслучайно по воле Ивана IV боярами в новом уделе стали князь Д. И. Засекин и И. П. Заболоцкий, которые, скорее всего, занимали аналогичный статус на службе у Юрия Дмитровского. Как уже было замечено, их имена фигурировали друг за другом в верхней части дмитровской рубрики Дворовой тетради, что подтверждает предположение об использовании текста Дворовой тетради в делопроизводственных целях. Достаточно широко были представлены на службе у Симеона Касаевича и другие выходцы из Дмитровского удела. Однако в отличие от назначенных московскими чиновниками бояр их переход на удельную службу происходил, по-видимому, в разное время и на добровольных началах.

---

⁵⁵ ТКДТ. С. 129, 175.

⁵⁶ Там же. С. 191.

⁵⁷ Там же. С. 194.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 70. Л. 163.

⁵⁹ АСЗ. Т. 1. № 286. С. 274; ТКДТ. С. 67.

⁶⁰ Акты Юшкова. № 159. С. 137–141; РПК. С. 123.

Разряд свадьбы Симеона Касаевича 1553 г. показывает, в частности, что уже к этому времени на службе у этого бывшего казанского царя находилось определенное количество служилых людей, в том числе и из рядов дворовых детей боярских, подобных, например, Меншику И. Ивачеву. Однако многие из детей боярских Симеона Касаевича поступили на его службу уже после 1553 г. Известно, что в 1556 г. на годовой службе в Казани находился Т. Д. Белеутов, позднее известный как помещик в звенигородской писцовой книге 1558—1560 г.⁶¹

Всего на службе у Симеона Касаевича, согласно тексту звенигородской писцовой книги, к моменту поместных раздач 1558 г. находилось 174 человека (172 сына боярских и 2 боярина). В процессе раздач после соответствующей челобитной этого бывшего казанского царя, а также за счет неверстанных новиков (15 человек) это число возросло до 192 человек.

К сожалению, текст звенигородской писцовой книги 1558—1560 г. дошел до нашего времени не в полном виде. Практически отсутствует, в частности, описание Городского стана. Привлечение более поздней писцовой книги 1624—1625 г., опиравшейся на текст этой писцовой книги, позволяет частично восполнить этот пробел, однако далеко не полностью. Как показал В. Б. Павлов-Сильванский, писцы XVII в. князь Л. Ф. Шехонский и подьячий И. Волков пользовались уже дефектным списком писцовой книги 1558—1560 г. Всего среди помещиков Звенигородского уезда конца 50-х годов, с учетом реконструкции, предпринятой В. Б. Павловым-Сильванским, удастся насчитать 103 человека. Кроме того, упоминается боярин И. П. Заболоцкий, которого писцы должны были наделить поместьем, но описание его поместья отсутствует⁶². Соответственно, взяв за основу численность служилых людей на службе у Симеона Касаевича как 192 человека, можно заметить, что данные этой писцовой книги выявляют всего лишь чуть более половины общего состава (53,6 %).

Однако, возможно, далеко не все из них в действительности получили поместья. Судя по всему, писцовое описание Звенигородского уезда проводилось в два этапа: первоначально этот уезд начали описывать писцы под руководством князя И. Ростовского, которые начали процесс испомещения служилых людей царя Симеона Касаевича. Очевидно, именно к этой части писцового описания и был приложен сохранившийся итог, согласно которому не получили свои поместья 16 дворовых детей боярских, 12 городских и 21 новик. Скорее всего, к этому времени не имел поместья также боярин И. П. Заболоцкий. Затем описание было продолжено Д. И. Слизневым и Д. Г. Машковым «с товарищи». В дошедшем тексте писцовой книги оба описания были объединены⁶³. Однако вполне вероятно, что испомещение служилых людей царя Симеона Касаевича так и осталось незаконченным.

Можно заметить, что подавляющее большинство дворовых детей боярских царя Симеона Касаевича происходило из других уездов страны, что объясняет непропорционально большое число неиспомещенных в этой категории служилых людей. Из общего числа в 45 дворовых детей боярских 16 человек (35,6 %) не получили свои «законные» поместья, в то время как среди городских, число которых составляло 73, только 12 человек (16,4 %) оказались в аналогичном положении. Впрочем, даже в этом случае речь могла идти о казанских татарах, перешедших на русскую службу вместе с самим Симеоном Касаевичем. К сожалению, в структуре Дворовой тетради звенигородская рубрика оказалась самой малочисленной. В ней было записано всего два человека, один из которых — И. В. Таболов — встречается в звенигородской писцовой книге среди детей боярских Симеона Касаевича. Без сомнения, общее число звенигородских дворовых детей боярских, в том числе и помещиков, было большим. Немногочисленность же звенигородской рубрики Дворовой тетради объясняется сравнительно ранним пожалованием

⁶¹ Разр. кн. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 458; Павлов-Сильванский В. Б. Писцовые книги России XVI в. С. 178.

⁶² Павлов-Сильванский В. Б. Писцовые книги России XVI в. С. 131—137. Вероятно, к более позднему времени следует отнести владение звенигородским поместьем князем Ф. И. Хворостининым, который в конце 1550-х годов определенно не состоял на службе у Симеона Касаевича.

⁶³ Павлов-Сильванский В. Б. Писцовые книги России XVI в. С. 134—135.

Звенигорода бывшему казанскому царю, в результате чего многие новики из «дворовых» фамилий, традиционно приписывавшихся к основной части каждой рубрики, сразу определяясь на службу к Симеону Касаевичу, уже не интересовали московских дьяков, работавших с текстом Дворовой тетради. Подобным образом, например, отсутствуют в тексте Дворовой тетради Б., Безсон и Ф. Г. Кольчевы. Их старшие братья Алексей и Меншик в Дворовой тетради были записаны по Москве. Известно, что уже в 1553 г. Ф., Б. и Безсон Г. Кольчевы определенно служили Симеону Касаевичу и присутствовали в качестве детей боярских на его свадьбе⁶⁴.

Тем не менее очевидно, что число собственно звенигородских дворовых детей боярских на службе у Симеона Касаевича не шло ни в какое сравнение с общей численностью «пришлых» дворовых. Сравнение писцовой книги, с учетом реконструкции В. Б. Павлова-Сильванского, и Дворовой тетради показывает, что выходцами из других уездов страны были, по крайней мере, 11 человек, представлявших 6 различных корпораций (Москва — А. и Меншик Г. Кольчевы, Дмитров — Т. и З. Д. Белеутовы, И. Р. Квашнин, К. М. Татищев, Кашин — А. Т. Наумов, Юрьев — Я. И. Исаков, Руза — Б. и И. С. Голенищевы, Бежецкий Верх — В. Б. Живой Заборовский)⁶⁵.

Еще для нескольких человек из этой писцовой книги служба по дворовому списку весьма вероятна, поскольку в Дворовой тетради в этом качестве были записаны их ближайшие родственники, отцы или старшие братья. Это уже упомянутые Безсон и Ф. Г. Кольчевы (которые, скорее всего, должны были бы служить по Москве), а также Мордвин М. Шестаков (вероятно, Ржева). Отсутствует в писцовой книге Б. Г. Кольчев, на которого можно с уверенностью распространить сделанный в предыдущем случае вывод. По Дмитрову был записан боярин И. П. Заболоцкий, сын которого Никифор получил свое поместье уже в ходе самого описания Звенигородского уезда вместо умершего С. К. Заболоцкого⁶⁶. Остальные явные «дворовые» могли проходить по списку новиков.

Встречающиеся в тексте Дворовой тетради пометы позволяют увеличить известное нам из сохранившегося текста писцовой книги число дворовых детей боярских на службе у Симеона Касаевича еще на несколько имен. По Дмитрову служил А. А. Беклемишев, по Переяславлю-Залесскому — П. Третьяков Хлуднев, по Белой — Ф. и Меншик И. Ивачевы и, наконец, по Угличу — А. Грибушин Сатин⁶⁷.

Безусловно, достаточно высоким статусом обладали также перечисленные в разряде свадьбы Симеона Касаевича 1553 г. С. Лутовинин, И. М. Домнин, С. Лыков (в писцовой книге С. Д. Лызлов, хотя рядом записаны его братья А. и П. Д. Лыковы), А. Немазов, однако имеющиеся данные не позволяют однозначно определить их территориальную принадлежность⁶⁸.

Таким образом, подводя итог, можно определить территориальную принадлежность, по крайней мере, 22 лиц из дворовых детей боярских. Из них только один, И. В. Таболов, принадлежал к собственно звенигородским землевладельцам.

Показательно, что из выявленных подобным образом имен дворовых детей боярских 10 (45,6%) принадлежали выходцам из уездов, входивших в свое время в удел Юрия Дмитровского. Подавляющее большинство городских детей боярских на службе у Симеона Касаевича принадлежало к числу местных звенигородских помещиков. Многие из них, соответственно, также служили когда-то Юрию Дмитровскому.

Номинальный характер удела царя Симеона Касаевича не позволяет рассматривать в этих переходах следы удельных традиций. Следует отметить, что на службе у этого бывшего казанского царя оказались далеко не самые видные в служебном и родословном отношении

⁶⁴ ТКДТ. С. 125; Разр. кн. Т. 1. Ч. 3. С. 458.

⁶⁵ ТКДТ. С. 125, 130, 131, 133, 135, 151, 176, 202.

⁶⁶ Там же. С. 128, 179.

⁶⁷ Там же. С. 132, 139, 193, 205.

⁶⁸ Разр. кн. Т. 1. Ч. 3. С. 458. Домнины и Лыковы, безусловно, принадлежали к числу «дворовых» фамилий.

выходцы из Дмитровского, Кашинского и Рузского уездов, зачастую недавние новики. Пример бояр князя Д. И. Засекина и И. П. Заболоцкого мог бы свидетельствовать об обратном, однако эти бояре были назначены на удельную службу решением московского правительства. На службе у Симеона Касаевича можно также обнаружить выходцев и из других уездов Русского государства. Например, по Юрьеву служил Я. И. Исаков, по Переяславлю-Залесскому — П. Третьяков Хлуднев. Этим лиц никак нельзя определить как носителей удельного влияния. Скорее, причинами переходов бывших вассалов Юрия Дмитровского на службу к Симеону Касаевичу была как территориальная близость их владений к Звенигородскому уезду, так и достаточно скромные, особенно для новиков, перспективы карьеры на государственной службе.

Примечательно, что выходцев из Дмитровского удела не удастся найти среди служилых людей Старицкого княжества, гораздо более крупного и реального удела середины XVI в. Достаточно подробный список двора Андрея Старицкого, встречающийся в летописях применительно к событиям мятежа 1537 г., не дает ни одного такого примера. Среди служилых людей Владимира Старицкого можно найти, пожалуй, только И. Г. Степанова Татищева, одного из новиков дмитровской рубрики Дворовой тетради⁶⁹.

Братья Г. и И. Т. Борисовы, о службе которых Владимиру Старицкому сообщает родословная книга, на самом деле принадлежали к «великокняжеской» ветви этого рода. Их отец, Т. В. Борисов, в тверской писцовой книге начала 40-х годов был отмечен как «старый помещик», а их двоюродные братья М., В. и А. Н. Борисовы в Дворовой тетради были записаны по Твери⁷⁰.

Итак, можно констатировать, что само по себе существование Дмитровского удела также не стало началом существования новой удельной традиции и не оставило после себя сколько-нибудь заметного политического влияния. Подобная ситуация объясняется, прежде всего, близостью порядков, в том числе и применительно к организации служилых людей, внутри этого удельного княжества и внутри основной территории Русского государства. «Удельная крамола», если о ней вообще можно вести речь, ограничивалась только личными амбициями Юрия Дмитровского и не распространялась на его вассалов.

Дальнейшее продвижение служилых людей из Дмитровского княжества по служебной лестнице было в значительной степени предопределено тысячной реформой, благодаря которой многие из них получили реальную возможность повысить свой статус. Некоторые из них впоследствии преуспели в опричнине. В частности, в ближайшее окружение Ивана IV входил И. П. Татищев, дослужившийся к концу своей карьеры до звания думного дворянина.

---

⁶⁹ Маишафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI в. // РД, М., 1998. Вып. 4. С. 134; ТКДТ. С. 133.

⁷⁰ ПКМГ; ТКДТ. С. 195.